

АНТОЛОГИЯ

Андрей Николаевич Егунов.

/1895-1968/

Имя А.Н.Егунова хорошо известно филологам, специалистам по античной литературе. А.Н.Егунов родился в Риге 26 сентября 1895 г., в 1904 г. его семья переехала в Петербург. В 1913 г. А.Е. закончил Тенишевское училище, а в 1919 — классическое отделение Петербургского университета, где и остался работать до 1923 г. Затем Егунов долгое время занимался преподаванием русского и иностранных языков в различных учебных заведениях Ленинграда. В 1940-х годах А.Е. был арестован, в 1956 г., после реабилитации, стал сотрудником сектора взаимосвязи русской и зарубежной литературы Пушкинского дома. Заслуженным признанием пользуются работы А.Н.Егунова в области классической филологии, русской литературы XVIII-XIX веков, комментарии, переводы /перечень публикаций см. в Некрологе — к. Русская литература № 1, 1969, стр. 252-255/. Собственно художественное творчество А.Егунова известно менее всего. В 1931-г. под псевдонимом "Андрей Николаев" А.Е. опубликовал авангардистский роман "По ту сторону Тулы", в рукописях остались драматическая поэма "Беспридметная мысль", книга стихов "Ближесюжные радости". Стихи А.Е. при его жизни публиковались единично: в сборнике "Советская поэтическая муза" под ред. Б. Филлипова /Минск, 1961/. Эта публикация и легла в основу нашей подборки. Стихотворения "Среди теней неодинокий" и "По тем ступеням, по которым" перепечатываются из журнала "Транспонанс" /№ 23, июль-август 1984, публикация Т.Никольской/. В стихах А.Егунова отчетливо слышатся интонации К.Важина.

А.Д.

.....

"О желтый-желтый собрат, о кедр,
ты под геранью в окне,
и тот же ты в грудях, во мне
поешь, порхаешь тут и тут,
рождаешь восторженный зуд" — ..
взволнованная восклицает Мавра,
под кофтой ходят груди расплывные
размеренно, как Маврина нота.
Хозяйка ученый сон объемлет,
полдневный сон над греческою книгой,
там овцы пыльные и люди золотые,
и ходит ходуном пахальный перезвон.

.....

Благодарение за такие часы,
за нашей жизни пресуществленье.
Сей миской облекается непрочной
состав заслащенный или кисель-молочный.
О-жизнь богатая: есть даже молоко.
На цыпочках стоит недалеко
видение двусмысленных полей —
творимый, но не нами, клей,
скрепляющий взаимно лоскутки.
Друг другу мы становимся легки,
уже не мы, а блинчики мные.
В близком сочтено, дождем лунный,
на лицах блещут капли неземные,
рабочий пот, мль слезы, или слезы —
не разобрать загробнейший удой,
но он становится насущнейшей едой,
и млеком ангельским, и молоком коровьим,
и дружественным сном, и неземным адорошьем.

.....

Но ветру сердце треплется, как флаг,
и обнажается в небесной огнели,
поодаль и повлише от площади,
где вечно стукант шары,
живое многоточие игры.

Так значит есть хозяева в усадьбе,
и есть молодой лакей, который утром, напавший
ослаблять весь и на ногу с ноги переминаясь,
напиток арабический подает.

— "Да как же это, барин" ... в нитяных перчатках
дрожит горячего сосуда серебро,
через окошко облака трепещут,
березки парами, кисейные, гуляют
сквозь тень и свет в аллее неведомой.

Ужася лев с ягнёнком, оба — мрамор,
установилось время, как вода в кадлушке
застойная. На стенах выливая
увитый призрак рамок былых
и гроздь лиц на снимках групповых.

Охлаждать их сладость мухам недоступно
и, в иступлении, прозрачную преграду
они на память о себе покрыли
хрипчатым пунктиром извержений.

Так, вместе с временем, застыл и вихрь узорный
металлами коричневой и черной.

А здесь, от улицы храня покой невинный
безруких полудей, причесанных и чинных,
вытравленное стекло течет, едва задето
прикосновеньем точек легководных.

Мелькающие это и прохаживающиеся лица,
домов окраска, хитрые сутробы —
все в манеру преобразилось казу,
мне сладковаты люди и лошади,
и, пятилетний, я лезу в кроватку.

Зверек растёт,
как огород —
не знает, зачем он зреет.

Я не проспав
этот июль,
его не потеряю.

К огурца, ..
больного отца,
приподнимаю плечи,

и плод двойной
передо мной —
то огурцови дети.

Так, с кожурой,
этой харой ..
в меня они оба входят.

Бросая коту
не всю помяту,
а лишь зелёный обёдок.

Он ник и ник —
зелёный дух,
не то, и ему не надо.

Для огурца
наши сердца
разверсти хуже ногги.

Земля зелена, ..
и плотна пелена,
что сирне комья греет.

С котиком я
одна семья,
одно зелёное лето.

И хлещет свет,
и смерти нет,
гуляем промеху грядок,
и нам тогда
сплошное да
весь этот небесный порядок.

.....

Ты приоткры свои уста,
в них оказалась пустота.
Как оклема золот^а
небес! Поспешности фигур.
А между тем уста жуют
былой и небной ут.
Везде сплошная колыбель,
отсутствия совсем могли.
О мимый месяц, неукля,
о неукля ты снова мих!
Планшет саялая простота.
через места, через уста,
и ряд-фигур, тобой волнуем,
рот зажимает поцелуем.

.....

Среди теней неодиноким,
но жизнь как повесть ни о ком —
там нераспутанным клубком
сказались все страницы дней,
тела минуших не-теней,
бреданья кноости клубочкой,
скитанья в тьме голубочкой.

.....

В мокром снеге доски прели,
пехло-далью и навозом,-
под заглавием Безопасность
стала выходить газета,
посвященная вопросам.
О как просто все узнали
что в сегодняшнем апреле
облака не перестали
размножаться в бесконечность,
чтобы сохранилось это.

.....

Не в комнате, а в нем одном
/свет запределный за окном/
симу и словно каюся.

Такой-то час, такой-то день -
в число любое миг-одень,
к которому я прикасаюсь.

23.2.1942.

.....

По тем ступеням, по которым
теперь спускаюсь шагом скорым,
был и подъем по ним ничтожен?
На тех ступенях, на которых
разношуршащий этот ворох
стонов маткой потревожен?
По тем ступеням, по которым -
ничтожен тоже, ну так что-же:
хорош оравших листьев ворох
на тех ступенях, на которых.